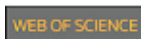

Подоксенов А. М. Пришвин и Сталин : художественный образ вождя в творчестве писателя / А. М. Подоксенов, В. А. Телкова // Научный диалог. — 2021. — № 4. — С. 254—270. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-254-270.

Podoksenov, A. M., Telkova, V. A. (2021). Prishvin and Stalin: Artistic Image of the Leader in Writer's Work. *Nauchnyi dialog*, 4: 254-270. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-254-270. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-4-254-270

Пришвин и Сталин: художественный образ вождя в творчестве писателя

Подоксенов Александр Модестович
orcid.org/0000-0001-6405-6140
доктор философских наук, профессор
кафедры философии и социальных наук
podoksenov2006@rambler.ru

Телкова Валентина Алексеевна
orcid.org/0000-0001-5738-3143
кандидат филологических наук, доцент
кафедры русского языка, методики его
преподавания и документоведения
telkova.2014@bk.ru

Елецкий государственный университет
им. И. А. Бунина
(Елец, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при
финансовой поддержке РФФИ и
Липецкой области в рамках научного
проекта
№ 20-412-480001 «Художник и власть:
Михаил Пришвин и советские вожди»

Prishvin and Stalin: Artistic Image of the Leader in Writer's Work

Alexander M. Podoksenov
orcid.org/0000-0001-6405-6140
Doctor of Philosophy, Professor,
Department of Philosophy and Social
Sciences
podoksenov2006@rambler.ru

Valentina A. Telkova
orcid.org/0000-0001-5738-3143
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of the Russian Language,
Methods of its Teaching and
Documentation
telkova.2014@bk.ru

Bunin Yelets State University
(Yelets, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded by RFBR
and the Lipetsk Region,
project number 20-412-480001
“The Artist and the Power:
Mikhail Prishvin and the Soviet Leaders”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Актуальность исследования обусловлена тем, что предметом статьи является еще не рассмотренный в пришивноведении вопрос о том, кто был реальным прототипом чекиста Сутулова в романе Пришвина «Осударева дорога». Показано, что в отечественной литературе трудно найти художника слова, чье творчество в такой же мере было бы обусловлено влиянием идейно-политического контекста. Новизна исследования состоит в том, что впервые предпринята попытка показать, как через художественный образ чекиста Сутулова — одного из главных героев романа «Осударева дорога» — Пришвин стремится отразить идейно-политические установки, характерные особенности поведения, стиль мышления и речи Сталина. Особое внимание уделяется анализу ранее не издававшегося из-за цензурных ограничений 18-томного «Дневника» писателя, который стал доступен для читателя только в постсоветское время. Показано, что через художественный образ Сутулова Пришвин дает свою личностную оценку роли Сталина в развитии государства, стремясь художественно верно и правдиво отобразить характерные черты той атмосферы экономического, политического и духовного сверхнапряжения, в котором жило советское общество в 1930-е годы накануне Великой Отечественной войны.

Ключевые слова:

Пришвин; Сталин; Достоевский; марксизм; большевизм; идеология; политика; революция; государство.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The relevance of the study is due to the fact that the subject of the article is the question of who was the real prototype of the Chekist Sutulov in Prishvin's novel "Tsar's road", which has not yet been considered in the history of foreign affairs. It is shown that in Russian literature it is difficult to find master of the pen, whose work would be to the same extent conditioned by the influence of the ideological and political context. The novelty of the research lies in the fact that for the first time an attempt was made to show how, through the artistic image of the Chekist Sutulov, one of the main characters of the novel "Tsar's Road", Prishvin seeks to reflect the ideological and political attitudes, characteristic features of behavior, style of thinking and speech of Stalin. Particular attention is paid to the analysis of the 18-volume "Diary" of the writer, which was not previously published due to censorship restrictions, which became available to the reader only in the post-Soviet period. It is shown that, through the artistic image of Sutulov, Prishvin gives his personal assessment of Stalin's role in the development of the state, striving to artistically faithfully and truthfully reflect the characteristic features of that atmosphere of economic, political and spiritual super-tension in which Soviet society lived in the 1930s on the eve of the Great Patriotic War.

Key words:

Prishvin; Stalin; Dostoevsky; Marxism; Bolshevism; ideology; politics; revolution; state.

Пришвин и Сталин: художественный образ вождя в творчестве писателя

© Подоксенов А. М., Телкова В. А., 2021

1. Актуальность изучения творчества М. М. Пришвина

Признанный советский писатель, кавалер орденов Знак Почета (1939) и Трудового Красного Знамени (1943), медали «За трудовую доблесть» (1946), лауреат премии Министерства просвещения РСФСР за лучшую книгу для детей (1945), Михаил Михайлович Пришвин (1873—1954) не был ни апологетом советской власти, ни певцом политического режима большевиков. Ни в одном художественном произведении Пришвин не славословил Сталина, тем более не посвящал ему свои книги, что в те годы многие делали ради писательской карьеры. Многие годы считалось, что Пришвин в своем творчестве никогда не обращался к его образу и среди почти двух тысяч источников библиографического указателя литературы о творчестве писателя за период с 1908 по 2013 годы нет ни одной статьи по теме «Сталин и творчество Пришвина», см.: [Михаил ..., 2013].

Как настоящий художник и мыслитель, Пришвин не мог обойти вниманием деятельность ключевых политических фигур своего времени, и размышления о самом грозном вожде большевизма, о его роли в становлении советского государства занимают значительное место в пришвинском 18-томном «Дневнике» (1991—2017), публикация которого дает ключ к разгадке многих тайн художественных образов и прототипов героев его творчества. Дневниковые записи Пришвина — одно из ценнейших свидетельств очевидца о своем времени, о действующих лицах, идейно-политических спорах и нравственной атмосфере общества, то есть о том реальном человеческом бытии, суть которого позже столь неоднозначно будут комментировать политологи и критики советско-коммунистического мироустройства.

Разумеется, тема пришвинского отношения к партийно-государственной деятельности Сталина всегда привлекала внимание исследователей. Интерес вызывает анализ взглядов Пришвина на роль Сталина в сложные и порой критические для советского общества периоды (коллективизация и индустриализация, предвоенное обострение международной обстановки, годы Великой Отечественной войны и послевоенное время) в трудах целого ряда исследователей: см.: [Кузнецов, 1990; Павловский, 1993; Холодова, 2000; Варламов, 2003]. Правда, упомянутые исследователи, работы которых в той или иной мере затрагивали тему отношения Пришвина

к Сталину, не касались вопроса о прототипе чекиста Сутулова в романе «Осударева дорога» и не могли использовать в полной мере материалы 18-томного «Дневника» писателя, публикация которого завершилась, как уже было отмечено, только в 2017 году.

2. Правление Сталина: эволюция взглядов Пришвина

Известно, что к Октябрьской революции и к захватившей власть партии большевиков Пришвин относился резко отрицательно, однако его мысль никогда не концентрировалась лишь на негативных моментах происходящего. Принципиально не приемля социальное насилие и политическую диктатуру большевизма, Пришвин тем не менее оставался убежденным государственным и, как художник слова, прилагал все усилия для духовного облагораживания и смягчения нравов советского общества, пытаясь найти рациональное зерно в деятельности правящей партии и ее вождей.

Понятно, что особое внимание здесь привлекал генеральный секретарь партии большевиков Сталин, отношение к которому у Пришвина с течением времени существенно менялось. Так, если в начале 1930-х годов в его дневниковых записях Сталин предстал «диким человеком Кавказа во всей своей наготе <...> прям, честен, вообще прост, как полицейский пристав из грузин царского времени» [Пришвин, 2006, с. 143], то в середине десятилетия звучит уже иная оценка качеств генсека: «“Я” Сталина родилось из кавказской, кровной верности, непостижимого упорства “кровника” в достижении цели. <...> Он, вероятно, беспрерывно “прижимает человека к стене”, ловит его с поличным его блажи и одного, отпустив, делает своим человеком навсегда, другого, когда *надо*, без колебания уничтожает» [Пришвин, 2010а, с. 368—369]. Выделяя курсивом слово «*надо*», Пришвин отмечает ту ключевую дилемму отношений власти и индивида, коренные интересы которых зачастую разделены непримиримым противоречием личного «хочется» и государственного «надо».

Безусловно, как гражданин и патриот Пришвин понимал жизненную необходимость скорейшего укрепления военно-экономической мощи государства, что в условиях обострения международной обстановки в предвоенные годы требовало от Кремля жестокой кары всех, кто препятствует развитию страны. Так, писатель приходит к выводу, что жестокость Сталина вызвана необходимостью борьбы с оппозицией, еще со времен Октября продолжавшей мечтать о мировой революции и стремящейся к власти под лозунгами демократии и либерализма. Эти политические дискуссии вполне приемлемы и даже необходимы в спокойные периоды, но совершенно вредоносны для страны в критические и переломные моменты ее истории. Сегодня, убежден Пришвин, для государства господствует импе-

ратив «*Так надо!*» — в отношении индустриализации нашей страны, «так надо» — в отношении военизации, народного образования, национальностей, лыжного спорта и т. п.: так надо». Поэтому разного рода оппозиционеры являются обманщиками, когда призывают к политической свободе, ибо «предлагают свободу там, где господствует только “так надо”. Они, обманывая, поднимают народ (сознательно или бессознательно), с тем, чтобы свергнуть деспота, сесть самим на трон и для народа объявить прежнее “так надо”, — вот почему заключает Пришвин, — после каждой кровавой гекатомбы и всеобщего нравственного возмущения встает опять Сталин более могучим, чем был» [Пришвин, 2010а, с. 755].

Будучи человеком историософского мышления, даже в годы апогея сталинского террора Пришвин полагал, что «нельзя судить историю и нельзя даже понять ее, имея перед собой только жертвы» [Пришвин, 2010b, с. 21]. Как патриот и просто здравомыслящий гражданин, сам переживший хаос революционного беззакония, писатель убежден в необходимости сильной власти, которая единственно способна увести страну с путей экономической, политической и культурной деградации. Не случайно в самый разгар репрессий 1937 года он пишет в «Дневнике»: «Вот, вспомнив конец Империи, когда надо было тысячами казнить — и не казнили, понимаешь, что в решительном действии в отношении колебателей основ нашего государства может сказаться и действительно его мощь» [Пришвин, 2010а, с. 631]. То, что свое время не сделал царь Николай II, хотя бы для оправдания навязанного ему либералами прозвища «кровавый», ныне без малейших колебаний осуществил Сталин. Так сложнейшая идейно-политическая обстановка в стране и развитие событий в мире в предвоенные годы приводят Пришвина к выводу, что советское мироустройство неразрывно с именем Сталина и в системе государственной власти, «конечно, Сталин — всё» [Пришвин, 2010b, с. 171].

Вместе с тем следует отметить, что период правления Сталина — это не только время классовый борьбы, насильственной коллективизации деревни и политического террора против инакомыслящих, но и время глубочайшей трансформации всего общественного устройства, о чем свидетельствовала бурная индустриализация страны: возведение новых городов, строительство заводов и фабрик, прокладка каналов и дорог, развитие культуры, медицины и образования. Внимательный и вдумчивый наблюдатель, Пришвин не мог не отметить великую правду советской эпохи — неподдельный энтузиазм огромного большинства людей, воодушевленных идеей строительства нового мира, участие в котором давало реальную возможность для каждого простого человека подняться из низов жизни, получить профессию и образование. Поэтому понятно желание писателя на конкретном примере художественно отразить происходящие в стране

глубокие перемены, изменение быта и психологии миллионов советских граждан, массовый энтузиазм людей, строящих под руководством партии большевиков новое общество. Всегда чутко откликавшийся в своем творчестве на злободневные проблемы общества, он, конечно же, не мог обойти вниманием грандиозные стройки социализма.

3. Художественный образ Сталина в романе «Осударева дорога» и «Дневнике» писателя

В начале 1930-х годов у Пришвина возникает замысел книги о возведении Беломорско-Балтийского канала, соединившего Белое море с Онежским озером — «Осударева дорога», которая ценна прежде всего тем, что представляет собой неподдельный «документ эпохи» — свидетельство повседневной жизни советских людей со всем многообразием их взглядов, суждений и заблуждений. В ходе работы над романом, которая займет долгие 14 лет — с 1933 по 1947 год, писатель несколько раз меняет названия: «Быль», «Былина», «Север», «Падун», «Царь природы», «Педагогическая поэма», «Повесть о том, что было и чего не было», «Новые берега» и, окончательно, «Осударева дорога», хотя это название появляется одним из первых еще в 1933 году. Незарастающий след «Осударевой дороги», как народ прозвал царскую просеку, Пришвин видел еще в начале XX века, путешествуя в 1906 году по северным лесам России, в результате чего появилась его первая книга «В краю непуганых птиц» (1907). Поэтому в 1933 году он просто не мог не поехать на стройку, затеянную в крае истоков его творческого пути: «Я не мог везде побывать в тех местах, где в молодости пробежал мой колобок, — отмечает он в Дневнике, — но все-таки был я на канале, где тогда был Край Непуганых птиц, был в Соловках, где тогда были монахи, был в Надвоицах и Новострое, где рыбу ловили...» [Пришвин, 2009, с. 914—915].

Для Пришвина как художника слова важно было своими глазами увидеть те кардинальные изменения, что произошли в дремучих лесах Выгорейского края со времен его давнего путешествия. Но еще более важным было стремление найти пути решения извечной проблемы несовпадения интересов индивида и власти, предстающих в художественном мышлении писателя как в пушкинских образах Евгения и Медного всадника, так и в идущей от Достоевского теме анализа человеческой души и тех ее глубинных противоречий, что выступают в виде столкновений желания с долгом, свободы с необходимостью, «хочется» личности с государственным «надо». Осмысляя социальные и религиозно-нравственные проблемы советской эпохи в контексте традиций гуманизма русской литературы, он стремится художественно изобразить особенности тех отношений человека и общества, что несет новое время и новые формы государственного устройства.

Вслед за Достоевским, считавшим основной целью творчества — постижение тайных глубин человеческой души, Пришвин видит свою задачу в анализе психологии людей, которые по воле государства оказались на великой стройке социализма, в показе особенностей трансформации их сознания под влиянием советской идеологии. «Канал не так интересен со своей внешней, прямо скажу, — щегольской стороны, как с внутренней, со стороны создавшего его человеческого творческого потока: тут соприкасаешься с чем-то огромным» [Пришвин, 1937, с. 41], — пишет он в одном из очерков, которые по итогам своей поездки он издаст в 1937 году отдельной книгой, описание деталей и бытовые зарисовки жизни строителей из которой затем войдут в «Осудареву дорогу». Поэтому главным в романе для писателя становятся не столько внешние трудности покорения природы, сколько стремление понять, что же происходит с душой и сознанием людей при их столкновении с грозной волей правящей партии, взявшей курс на строительство прекрасного будущего.

Как при царях-самодержцах, так и при Сталине железная воля государства собирала на свои великие стройки людей со всей России: «Были среди них худые и гибкие телом, с горящими как уголь глазами горцы, были коротенькие, на изогнутых ногах, жители степей, черкесы, киргизы, узбеки, были даже в чалмах, татары в халатах, раскосые монголы в своих тюбетейках, и русские смешивались в наречиях: орловские, рязанские, владимирские, ростовские, сибирские» [Пришвин, 1984, с. 61]. Весь этот многоплеменный народ был направлен на строительство Беломорканала прежде всего для «социальной перековки» — так советская власть называла свой замысел перевоспитания людей, сознание которых, пройдя горнило принудительного труда, должно так переродиться, чтобы человек из врага государства стал его союзником.

Вновь и вновь возвращаясь к разработке идеологии повествования о Беломорско-Балтийском канале, в «Дневнике» 1936 года Пришвин отмечает, что наконец-то определился с одной из главных сюжетных линий романа: «Раскрыть психологически и выразить, что революционер подлинный непременно должен сделаться строителем» [Пришвин, 2010а, с. 189]. Образ такого титана-строителя, возглавившего процесс создания нового мироустройства, в понимании Пришвина, как и многих людей того времени, вполне логично отождествлялся с главным действующим лицом партии и государства. Так, в ходе работы над развитием сюжета романа у писателя формируется и крепнет решение сделать одного из ключевых персонажей «Осударевой дороги» воплощением «*подлинного революционера*», в качестве которого, как ему казалось, мог быть Сталин.

Хотя сам художественный образ сталинского прототипа возникнет у Пришвина довольно поздно — лишь через четыре года после поездки на строительство канала, но зато в своих основных чертах оформится быстро — всего за две недели. Так, если в дневниковой записи 21 июля 1937 года появляется ни к чему не обязывающая зарисовка: «Растопырив ноги, сутулый человек стоял на плотине и следил за ящерицей (от солнечного луча)», то 29 июля этот физиологический признак упоминается в качестве фамилии: «Настоящий коммунист (каких было довольно) личное свое все помещает в общественное (Сутулый)». И 5 августа уже окончательный вывод: «Определяется Сутулый, чекист», основные черты которого — «пафос рядового марксиста <...> стремительность фанатической веры», и самый главный его вопрос — темпы строительства: «Роль Сутулого именно в темпах, и это ему легко делать: он весь в том, чтобы сделать канал в срок» [Пришвин, 2010а, с. 689, 697, 702].

Акцент Пришвина на *темпах* строительства — художественное отражение одной из главных особенностей эпохи первых десятилетий советской власти, когда перед партией большевиков со всей остротой стоял вопрос выживания первой социалистической страны во враждебном окружении. Именно о темпах развития экономики как решающем условии сохранения геополитической независимости государства предельно жестко говорил прежде всего Сталин: «Задержать темпы — это значит отстать. А отсталых бьют. <...> Максимум в десять лет мы должны пробежать то расстояние, на которое мы отстали от передовых стран капитализма. Для этого есть у нас все “объективные” возможности» [Сталин, 1951а, с. 38, 41]. Говоря о возможностях, генсек правящей партии, конечно же, не случайно слово «объективные» употреблял в кавычках, безусловно, осознавая ту колоссальную инерцию торможения технически отсталого хозяйства огромной страны, маховик развития которого можно привести в движение только чрезвычайным напряжением всех сил. И о том, как были обеспечены итоги первой пятилетки, выполненной за четыре года, Сталин в январе 1933 года скажет со всей откровенностью: чтобы достичь нужных результатов, правящая партия должна была беспощадно «подхлестывать страну, ускоряя ее бег вперед» [Сталин, 1951в, с. 183].

Борьба за темпы строительства, призывы руководства страны и партии досрочно выполнять годовые и пятилетние планы развития промышленности находили широкий отклик, рождая массовый энтузиазм людей. Духом соревновательности были проникнуты буквально все сферы жизни общества и все отрасли народного хозяйства. Для пришвинского сознания, в котором художественно-эстетическое восприятие действительности всегда было связано с ее философским осмыслением, было

очевидно, что поворот политического курса на ускоренное развитие экономики — историческая необходимость эволюции советского государства и сегодня основная задача власти в том, чтобы на смену революционерам-разрушителям пришли люди дела, люди-строители: «И дивисься, как мог сделать такой переворот человек, сам вышедший из партийной кружковщины. <...> Сутулый пусть будет мой воображаемый Сталин» [Пришвин, 2010а, с. 780].

Как художественный герой, Сутулов выступает в романе собирательным образом большевика, который все личное отдает на службу общественному, да и сама этимология его фамилии указывает, что он «*сутулится*» от тяжелой ответственности за порученное партией дело, живет, как нужно, а не как ему хочется. «Надо Сутулова изобразить как Сталина и Сталина понимать как предел ухода личности в дело (общество)» [Пришвин, 2013b, с. 570], — отмечает писатель задачу раскрытия художественного образа. Так, в «Осударевой дороге» Пришвин вновь возвращается к вопросу о «настоящем большевике» — предмете его раздумий всех советских лет, и Сталин как прототип чекиста Сутулова становится тем художественным образом, который в полной мере воплощает представление писателя о герое революционного времени.

Чтобы обозначить сходство Сутулова с вождем, писатель наделяет героя характерными признаками, копируя установленный в Кремле стиль общения, о чем свидетельствует подчеркнуто официальное обращение «*товарищ*» между персонажами, что весьма прозрачно намекает на прообраз уже в первых сценах его появления в романе: «Позовите ребят, товарищ Уланова, — распорядился начальник.

— Слушаю, товарищ Сутулов, — ответила по-военному женщина.

И, обернувшись, открыла дверь.

— Маша, — остановил ее начальник, — ты ребятам нашим скажи насчет табаку, как сейчас говорили: чтоб и духу не было.

— Слушаю, товарищ Сутулов, — ответила Уланова» [Пришвин, 1984, с. 33].

Манера разговора Сутулова вполне узнаваемо передает не только назидательно-властные интонации, но и акцентированный вопросно-ответный стиль риторики Сталина: «Мы думаем, — ответил серьезно, не улыбаясь, очень властно и твердо Сутулов, — жизнь надо устраивать на земле хорошо и прочно. Так ли я говорю, товарищ Уланова? — сказал он, не улыбаясь, а только смягчая голос» [Там же, с. 37].

Примечательным моментом сходства Сутулова с вождем выступает не только манера разговора, но и общее для обоих религиозное семейное прошлое, которое обнаруживается в сцене знакомства героя с выговскими

раскольниками: «Я сам, — сказал, подумав, Сутулов, — вышел из старообрядцев.

— Какого же согласия? — почтительно спросил Мироныч.

— Никакого согласия: деды были, как и вы, поморского согласия, а отцы называли себя “немоляками”» [Там же, с. 39—40].

В признании Сутулова, что он «вышел» из секты «немоляк»-старообрядцев вполне очевидный намек на то, что и Сталин в свое время «вышел» из христианства. Как известно, будущий генсек партии большевиков получил религиозное образование, окончив с отличием четырехклассное Горийское духовное училище и затем пять курсов (из шести) Тифлисской духовной семинарии, из которой был исключен в 21 год по причине неявки на экзамены. Позже, в 1931 году, Сталин отмечал: «В революционное движение я вступил с 15-летнего возраста. <...> Из протеста против издевательского режима и иезуитских методов, которые имелись в семинарии, я готов был стать и действительно стал революционером, сторонником марксизма» [Сталин, 1951б, с. 113]. И в этом частном моменте личной жизни Сталина-Джугашвили со всей явственностью проявлялась духовная противоречивость той эпохи, когда люди с традиционно-православным воспитанием вступали на путь революционной деятельности, бесповоротно отрекаясь от своих прежних взглядов и семейных корней, а художественная и научная интеллигенция столь же радикально меняла свои мировоззренческие идеалы, переходя от материализма к идеализму и религии.

В отличие от монархии советская власть в лице чекиста Сутулова — начальника одного из участков строительства Беломорканала — свою задачу видела не столько в привлечении раскольников к работе на государство, как это делал Петр I, прокладывая лесную просеку, чтобы перетащить свои фрегаты в Онежское озеро, сколько в опровержении их веры, что фактически уравнивало их в качестве сторон религиозно-мировоззренческого спора. В дневниковых записях Пришвин неоднократно говорит об идейной близости религиозных ересей и революционного движения, рассматривая большевизм как один из вариантов религиозного культа, который с фанатизмом внедрял в сознание людей марксистскую идеологию, отчего последняя приобретала черты сектанства.

В связи с этим понятно, почему тема строительства социализма, в рамках которой история сооружения Беломорско-Балтийского канала выступает как частный момент, приобретает в романе религиозный подтекст. Провозгласив марксизм единственно верным учением, большевики пытались выдать свои частные узкогрупповые интересы за универсальную правду. Именно об этом в романе упоминает писатель, говоря о своем увлечении идеями социализма в юности: «Мы сами, революционеры того времени <...> были похожи

на бегунов: мы были странники в своем народе», и европейская безбожная «правда была нам дороже родного села» [Пришвин, 1984, с. 10].

Сектантские аспекты большевизма в «Осударевой дороге» проявляются прежде всего в провозглашении главенства идеи над жизнью, что обнаруживается при первом же разговоре Сутулова со старообрядцами, которые глубоко убеждены, что жить нужно не по желанию, а «по плану жить, как отцы наши и деды жили: жить по Священному писанию.

— Неверно, — перебил старика Сутулов. — В этом Писании план определен на жизнь небесную: тут, на земле, как-нибудь с жуликами, а там, на небе, будут ангелы и архангелы. У нас, дедушка, план должен быть один-единственный и на земную жизнь» [Пришвин, 1984, с. 39].

В подготовительных заметках к роману Пришвин отмечает, что «встречу раскольников с большевиками придумать невозможно» [Пришвин, 2013a, с. 287], тем самым обозначая свою давнюю мысль о сходстве большевизма с религиозным сектантством. Действительно, для таких, как Сутулов, марксистско-ленинская идеология, которой руководствуется власть в советском государстве, была типичным «началом религии, отсюда и оптимизм: человечина вся связанная у жертвенного костра, и жрец обращается к заре, и Бог от зари посылает огонь, и костер загорается. Вот Сталин у нас и вяжет людей в коммунизм для костра жертвенника» [Пришвин, 2013b, с. 712]. Именно так, по образному сравнению писателя, в большевизме осуществляется симбиоз жесткой рациональности классовой борьбы с утопической мечтой об идеальном общественном устройстве. В понимании Пришвина, происходящие в советской России изменения вполне соразмерны с преобразованиями Петра Великого, и в «Осударевой дороге» этот сюжет получает свое прямое развитие. Захватив власть, большевики начинают свое царствование тоже с переделки государственного устройства: «Петр I разорвал связь с прошлым. <...> И начал строить новую Россию. <...> Такое же строительство и Сталина» [Пришвин, 2010a, с. 409—410].

Как Достоевский в свое время видел в Петре не только великого реформатора, но и жестокого деспота и писал, что «Деспотизм вовсе не в духе русского народа... Он слишком миролюбив и любит добиваться своих целей путем мира, постепенно. А у Петра пылали костры и воздвигались эшафоты для людей, не сочувствовавших его преобразованиям» [Достоевский, 1980, с. 15], так и Пришвин уже в новое историческое время видит, что Сталин «ломает страну не плоше Петра» и, добиваясь исполнения своей воли, точно так же, как царь, бьет людей «массами, не разбирая правых от виноватых» [Пришвин, 2006, с. 69].

Сравнивая правление Сталина с царствованием Петра I и вводя советский период в общий контекст русской истории, Пришвин видит свою за-

дачу художника в том, чтобы связать разорванную нить времени, будучи глубоко убежден, что связь эпох возможна только через творческую личность, в памяти которой оживает правда минувших дней. Так, в самом начале романа отец показывает своему сыну Зуйку то страшное место в болотистых лесах, где во время Северной войны в 1702 году подданные царя волоком тащили морские корабли в Онежское озеро в тыл шведам.

« — Осударева дорога! — сказал отец.

Остановились. Отец шапку снимает. <...>

— Что тут народа легло! — говорит отец.

И шапку как снял, так все и не надевает» [Пришвин, 1984, с. 15].

Однако речь здесь идет не только о великой жертвенности русского народа, священный труд которого обеспечил победу Петра в войне со шведами. Полузаросшая царская просека для Пришвина — это исторический контекст раскрытия главной темы — темы жизни и страданий каторжан-современников, которые по воле Сталина сгонялись со всей страны для прокладки великого водного пути: «Ехали, будто падали, из неведомых недр разноплеменной страны десятками, сотнями, тысячами люди белые, желтые, черноглазые, голубоглазые, светловолосые, и черные, и рыжие» [Там же, с. 61]. Безликость «падавших» на строительство канала людей в романе наглядно показывает сцена механического отношения власти к заключенным, которые при регистрации «подходят бесконечной очередью и так же исчезают потом, как брызги водопада», предстая перед начальством как неразличимые «тысячи разных людей, разных народностей, и каждый, мелькнув, выпадал из памяти, как выпадает фигурка из пены воды, бьющейся на камнях порога» [Там же, с. 61, 64].

В «Осударевой дороге» Сутулов олицетворяет государственную власть, которая требует неукоснительного исполнения плана работ. Желая достичь жизненного сходства Сутулова с прототипом, писатель намеренно наделяет его скупыми и жесткими чертами, желая показать отчужденность власти от народа. Смысл схематизма героя именно в том, пишет Пришвин, чтобы «в Сутулове дать загадку личности Сталина: все видят дело, а сам деятель за ним скрывается» [Пришвин, 2014, с. 71]. И надо сказать, что творческий замысел автора полностью оправдался: вплоть до выхода потаенного на многие годы 18-томного корпуса «Дневников» (напомним, публикация их завершилась лишь в 2017 году), никто из исследователей-пришвиноведов так и не догадался о зашифрованном художественном послании писателя.

Действительно, образ чекиста Сутулова в «Осударевой дороге» максимально идеологизирован, прямолинеен и почти полностью лишен живых черт личности, за что писателя часто критиковали как современники, читавшие роман еще в рукописи, так и многие из представителей последую-

щих поколений пришивиноведов. Тем не менее Пришвин был предельно верен реалиям жизни, ибо через схематизм изображения Сутулова стремился передать общее представление современников о вожде: «Для нас всех Сталин — не человек, а какая-то центральная сила нашего времени» [Пришвин, 2013b, с. 569], а потому его истинный облик должен быть окутан тайной, которая недоступна для простых граждан советского государства.

Прокладка Беломорско-Балтийского канала, осуществляемая каторжным трудом заключенных, для Пришвина выступает в качестве обобщенного образа всего советского общества, строительство которого во главе со Сталиным с ожесточенным напряжением ведет партия большевиков. «Мы все строим какой-то канал. <...> На канал должен быть собран и показан народ: тут была вся Россия» [Пришвин, 2010а, с. 683, 766] — гласят дневниковые записи 1937 года, отражая восприятие писателем идейно-политической атмосферы тех лет, когда все великие стройки социализма велись прежде всего путем военной организации труда и под жестким контролем государства.

Примечательной чертой Сутулова как типичного представителя карательных органов выступает то, что у него не возникает и мысли о создании элементарных бытовых условий для заключенных, прибывающих в лагерь. Такое же отношение и вышестоящего начальства, что демонстрирует уже первый приказ, поступивший из управления строительства канала: «В Надвоицы направляется транспорт каналаармейцев. Принять завтра первую тысячу. Бросьте их в лес» [Пришвин, 1984, с. 52]. На беспокойство же своей помощницы Маши Улановой, встревоженной решением отправить огромную массу людей на неустроенное место в лесу, Сутулов отвечает твердо и жестко: «Они там скоро сами себе выстроят жилища» [Там же, с. 55]. Более того, он даже возмущен проявлением ее заботы о каких-то условиях быта для заключенных: «Мы взялись построить канал, соединяющий два моря: шуточное ли дело! И вдруг ты остановилась перед таким пустыком — куда нам деть людей. <...> Мы бросим их в дело, и увидишь, через два месяца, самое большое, у нас будет выстроен город» [Там же, с. 57].

Философский склад ума и психологическая проницательность помогают Пришвину понять сущностную взаимосвязь действующих сил и субъектов исторического движения советского общества, чтобы через художественные образы строителей канала показать особенности отношений между властью и народом. В словах Сутулова о прокладке Беломорско-Балтийского канала как большом государственном деле, для которого судьбы и жизнь каторжан являются пустыком («лес рубят — щепки летят»), обнажается суть отношения большевизма к народу как расходному материалу для реализации своих великих замыслов. Для Пришвина такая идеология неприемлема прежде всего потому, что ведет к обезличиванию чело-

века: «Коммунизм и есть распространение законов механики на человеческое общество. <...> Река Выг, дикая, порожистая, заключается в машины. <...> Согласно с этим механизмом и люди организуются, вживаются в создаваемые участки и под предлогом коммунизма становятся механизмом» [Пришвин, 2012, с. 564].

Хотя, с другой стороны, признает Пришвин, механизация производства и развитие соответствующего стиля мышления — одно из важнейших условий технического прогресса общества. «Царское время ужасно виновато в косности. И взрыв технический должен был произойти: и он при Сталине совершился, такой технический, что само государство превратилось в такую точную машину, что ни один человек не ускользнул от учета» [Пришвин, 2010а, с. 719]. Поэтому закономерно, что представитель власти — Сутулов, выражая дух наступающей технической эпохи, в романе предстает воплощением механизма принуждения советского государства, которое готово пойти на любые жертвы ради достижения своих целей.

Размышляя о сущности советского мироустройства, Пришвин стремится понять, в чем же заключается основная идея современности, которая определяет сознание и самочувствие людей. Глубоко присущая писателю историчность мышления приводит его к выводу, что одной из главных черт всей русской государственности выступает насилие как над отдельным индивидом, так и над всем обществом. «То, что совершается у нас, нельзя приписывать Сталину, или Энгельсу. <...> Наша государственность устанавливается дубинкой Петра. Все это известно, а ново — это попытка (моя) защиты Петровой дубинки. “Осударева дорога” сто раз переделывалась, но ее начальная мысль была именно в оправдании насилия» [Пришвин, 2016, с. 113].

Действительно, кроме несомненного зла насаждения классовый борьбы, политической диктатуры и тоталитарной идеологии, несомненная заслуга большевизма была в том, что сама жестокость государственного насилия служила делу развития образования, науки и медицины, укреплению экономической и военной мощи страны. Коллективизация и индустриализация, трудности быта и героизм труда — все это было проявлением того исторического «надо», на основе которого только и возможно создать великое государство. «Вот это “Надо” и требуется воплотить в личности Сутулова» [Пришвин, 2013b, с. 711], — заключает Пришвин. Так, в дневниковых набросках писателя обозначается стержневая идея повествования о строительстве Беломорканала — одной из множества великих строек социализма, которые лучше всего иного выразили суть сталинизма в качестве особой политики и метода модернизации общества накануне надвигающихся исторических катаклизмов.

Обостренное чувство духовной сопричастности своему времени и пронизательность подлинного мыслителя закономерно вызывали у Пришвина желание найти историософское оправдание советской власти. Очевидно, что через художественный образ Сутулова писатель формулирует свой вывод: как государственный деятель Сталин состоялся не только потому, что с помощью интриг и вероломства сумел расправиться с оппозицией, но прежде всего потому, что сумел понять, что пути развития страны определяет прежде всего великое историческое «ТАК НАДО». Проявив огромную политическую волю, Сталин сумел повести людей за собой и добиться необходимых изменений, обусловивших экономический, социальный и культурный прогресс общества. «Значит, “народный вождь”, — отмечает Пришвин, — это не тем народный, что народ избрал его, а что он “богоизбранный вождь”: заставил народ признать себя как вождя. Так у нас на глазах происходило со Сталиным» [Пришвин, 2013а, с. 411].

Победа в Великой Отечественной войне для Пришвина стала импульсом к окончательному пересмотру как роли Сталина, так и партии большевиков. Когда грозные вызовы истории вновь ставят перед народом задачу выживания, тогда не до личных обид на большевизм и государство: «Мне надо, как автору, подчинить себя, свое мнение, свое “хочется” творимому единству мнений. <...> Все мы освещены одним светом этого “Надо”, и что это “Надо” несет нам ветер истории, но не партия, не Сталин» [Пришвин, 2013б, с. 58, 59], — пишет он о причинах своего примирения с властью.

4. Заключение

Подводя итог, отметим: отличительная черта Пришвина как художника и мыслителя в способности не только в полной мере ощущать «ветер истории», но и осознавать запросы своего времени, видеть за повседневной россыпью частных событий экономическую необходимость и политическую подоплеку происходящего. Художественная ценность изображения Сталина в образе Сутулова в том, что писатель пытается дать личную оценку роли Сталина, избегая исторического субъективизма и предвзятости, которые в разных обликах проявляются во все времена. Так, если в коммунистическую эпоху господствующей тенденцией было приписывание всех достижений исключительно воле и мудрости Сталина, то в постсоветский период практически те же факты толковались если не как поражения, то как предтечи будущих социальных бед и катастроф. Через образ Сутулова Пришвин дает свою личностную оценку роли Сталина в развитии государства, стремясь художественно верно и правдиво отобразить характерные черты той атмосферы экономического, политического и духовного сверхнапряжения, в которой жило советское общество в 1930-е годы накануне Великой Отечественной войны.

Источники

1. *Михаил Михайлович Пришвин* : библиографический указатель / сост. Н. В. Борисова, З. Я. Холодова. — Иваново : ЛИСТОС, 2013. — 175 с. — ISBN 978-5905158-21-6.
2. *Пришвин М.* Отцы и дети / М. М. Пришвин. — Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1937. — 63 с.
3. *Пришвин М. М.* Собрание сочинений : в 8 томах / М. М. Пришвин. — Москва : Художественная литература, 1984. — Т. 6. Осударева дорога. — С. 5—214.
4. *Пришвин М. М.* Дневники. 1930—1931 / М. М. Пришвин. — Санкт-Петербург : Росток, 2006. — 704 с. — ISBN 5-94668-041-2.
5. *Пришвин М. М.* Дневники. 1932—1935 / М. М. Пришвин. — Санкт-Петербург : Росток, 2009. — 1008 с. — ISBN 978-5-94668-060-8.
6. *Пришвин М. М.* Дневники. 1936—1937 / М. М. Пришвин. — Санкт-Петербург : Росток, 2010а. — 992 с. — ISBN 978-5-94668-073-8.
7. *Пришвин М. М.* Дневники. 1938—1939 / М. М. Пришвин. — Санкт-Петербург : Росток, 2010б. — 608 с. — ISBN 978-5-94668-077-6.
8. *Пришвин М. М.* Дневники. 1942—1943 / М. М. Пришвин. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. — 813 с. — ISBN 978-5-8243-1627-8.
9. *Пришвин М. М.* Дневники. 1944—1945 / М. М. Пришвин. — Москва : Новый хронограф, 2013а. — 944 с. — ISBN 978-5-94881-187-1.
10. *Пришвин М. М.* Дневники. 1946—1947 / М. М. Пришвин. — Москва : Новый хронограф, 2013б. — 968 с. — ISBN 978-5-94881-222-9.
11. *Пришвин М. М.* Дневники. 1948—1949 / М. М. Пришвин. — Москва : Новый хронограф, 2014. — 824 с. — ISBN 978-5-94881-273-1.
12. *Пришвин М. М.* Дневники. 1950—1951 / М. М. Пришвин. — Санкт-Петербург : Росток, 2016. — 736 с. — ISBN 978-5-94668-186-5.
13. *Сталин И. В.* Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом / И. В. Сталин // Сочинения : в 13 т. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1951б. — Т. 13. — С. 104—123.
14. *Сталин И. В.* Итоги первой пятилетки : доклад на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б): 7 января 1933 г. / И. В. Сталин // Сочинения : в 13 т. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1951в. — Т. 13. — С. 161—215.
15. *Сталин И. В.* О задачах хозяйственников (1931) / И. В. Сталин // Сочинения : в 13 т. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1951а. — Т. 13. — С. 20—42.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Варламов А. Н.* Пришвин / А. Н. Варламов. — Москва : Молодая гвардия, 2003. — 548 с.
2. *Достоевский Ф. М.* Полное собрание сочинений : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. — Ленинград : Наука, 1980. — Т. 20. Статьи и заметки. 1862—1865. Два лагеря теоретиков (По поводу «Дня» и кой-чего другого). — С. 5—22.
3. *Кузнецов Ф.* Бунт и примирение Пришвина / Ф. Кузнецов // Наше наследие. — 1990. — № 2. — С. 83—84.
4. *Павловский А. И.* «...Сигналы людям будущего» (О дневнике М. Пришвина 1930 года) / А. И. Павловский // Русская литература. — 1993. — № 1. — С. 81—91.
5. *Холодова З. Я.* Художественное мышление М. М. Пришвина : Содержание, структура, контекст / З. Я. Холодова. — Иваново : Иваново, 2000. — 296 с.

MATERIAL RESOURCES

- Borisova, N. V., Kholodova, Z. Ya. (eds). (2013). *Mikhail Mikhailovich Prishvin: bibliographic list*. Ivanovo: LISTOS. 175 p. ISBN 978-5905158-21-6. (In Russ.).
- Prishvin, M. (1937). *Fathers and Sons*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo khudozhestvennoy literatury. 63 p. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (1984). *Collected Works in 8 volumes. Osudareva doroga*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. 6: 5—214. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2006). *Diaries. 1930—1931*. Sankt-Peterburg: Rostok. 704 p. ISBN 5-94668-041-2. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2009). *Diaries. 1932—1935*. Sankt-Peterburg: Rostok. 1008 p. ISBN 978-5-94668-060-8. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2010a). *Diaries. 1936—1937*. Sankt-Peterburg: Rostok. 992 p. ISBN 978-5-94668-073-8. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2010b). *Diaries. 1938—1939*. Sankt-Peterburg: Rostok. 608 p. ISBN 978-5-94668-077-6. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2012). *Diaries. 1942—1943*. Moscow: ROSSPEN. 813 p. ISBN 978-5-8243-1627-8. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2013a). *Diaries. 1944—1945*. Moscow: Novyy khronograf. 944 p. ISBN 978-5-94881-187-1. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2013b). *Diaries. 1946—1947*. Moscow: Novyy khronograf. 968 p. ISBN 978-5-94881-222-9. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2014). *Diaries. 1948—1949*. Moscow: Novyy khronograf. 824 p. ISBN 978-5-94881-273-1. (In Russ.).
- Prishvin, M. M. (2016). *Diaries. 1950—1951*. Sankt-Peterburg: Rostok. 736 p. ISBN 978-5-94668-186-5. (In Russ.).
- Stalin, I. V. (1951a). About the tasks of business executives (1931). In: *Works: in 13 volumes*. Moskva: Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoy literatury. 13. 20—42. (In Russ.).
- Stalin, I. V. (1951b). Conversation with German writer Emil Ludwig. In: *Works: in 13 volumes*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoy literatury. 13. 104—123. (In Russ.).
- Stalin, I. V. (1951c). Results of the first five-year plan: report at the joint plenum of the Central Committee and Central Control Commission of the CPSU (b): January 7, 1933. In: *Works: in 13 volumes*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo politicheskoy literatury. 13. 161—215. (In Russ.).

REFERENCES

- Dostoevsky, F. M. (1980). *Complete works: in 30 volumes. Articles and Notes 1862—1865. Two camps of theoreticians (Concerning «The Day» and something else)*. Leningrad: Nauka. 20. 5—22. (In Russ.).
- Kholodova, Z. Ya. (2000). *Artistic thinking of M. M. Prishvin: Content, structure, context*. Ivanovo: Ivanovo. 296 p. (In Russ.).
- Kuznetsov, F. (1990). Rebellion and reconciliation of Prishvin. *Nashe nasledie* [Our legacy], 2: 83—84. (In Russ.).
- Pavlovskiy, A. I. (1993). "... Signals to the people of the future" (About M. Prishvin's diary of 1930). *Russian Studies in Literature*, 1: 81—91. (In Russ.).
- Varlamov, A. N. (2003). *Prishvin*. Moskva: Molodaya gvardiya. 548 p. (In Russ.).